

Долина радостных кошмаров была обычной глушью: ни постоянных дворов, ни крошечных поселений — лишь вековые деревья, обступившие ущелье плотной стеной, да редкая лесная нечисть, шныряющая в тенях. Спать здесь было решительно негде, а потому юный бессмертный господин попросту перевёз сюда весь свой «дом».

Ночевать он мог и в карете. Просторный экипаж вполне заменял спальню: внутри уютно теплилась курильница, горели свечи, манили мягкостью чистые простыни и пуховые одеяла. Места там было столько, что ночью можно было ворочаться с боку на бок, не боясь скатиться на пол.

Обычно Шэнь Гумин засыпал здесь мгновенно — убаюканный домашним уютом, покоем и теплом. Но эта ночь сулила лишь глухую бессонницу. Душу томило неясное, удушливое беспокойство. В груди словно застрял тяжелый ком, мешавший вздохнуть полной грудью. И всему виной был тот нелепый вопрос, который он сдуру задал!

— Учитель...

— Вам ведь нравится Син И?

Задавая этот вопрос, Шэнь Гумин даже не осознавал, как отчаянно и напряженно выглядит со стороны. Он просто неотрывно, затаив дыхание, смотрел на Лян Сюаня. Тот поднял на него взгляд. Вокруг воцарилась звенящая тишина.

Время шло, но этот поразительно красивый мужчина в белоснежном халате хранил молчание. Он лишь тихо разглядывал юношу, словно силился отыскать на его лице нечто невероятно важное.

Молчание затянулось. Когда Шэнь Гумин уже отчаялся услышать хоть слово, он услышал прохладный, удивительно чистый голос учителя. Слова падали медленно, отдаваясь эхом в сознании:

— Да. Я люблю его.

Этот ответ, словно навязчивое проклятие, раз за разом прокручивался в голове юноши. Шэнь Гумин чувствовал себя глупцом, который сам же вырыл себе яму.

«Ну и зачем ты спросил об этом, идиот?» — ругал он себя.

«Учитель любит этого Син И. Но тот мертв! Задать такой вопрос — все равно что собственноручно расковырять старую рану. Знай я заранее, спросил бы о чем угодно другом. Хотя бы о той отравленной чаше...»

В мире заклинателей поговаривали, будто прежний ученик Вэйцы-цзюня стал нечестивым

чудовищем, погрязшим в грехах. Однако истинное имя предателя никогда не предавалось огласке. Похоже, им и был Син И.

И если Сиу-цзюнь утверждал, что Лян Сюань пожертвовал собой ради кого-то конкретного, этим «кем-то», скорее всего, тоже был Син И.

Раз уж тот парень сделался кровожадным демоном, он вполне мог совершить любое безумие. Поднести собственному наставнику чашу с ядом — вполне в его духе.

«Но... — Шэнь Гумин нахмурился. — Но учитель признался, что любил его. Как можно любить того, кто пытался тебя сгубить?»

Во время разговора с Пэй Таньцзы учитель ни словом, ни жестом не выдал обиды на Син И. Напротив, вся его злость и презрение были обращены на почтенного Хуачэня.

«Значит, слухи лгут? Или именно Хуачэнь нанес ту непоправимую рану Лян Сюаню... или самому Син И?»

Вопросы громоздились один на другой, но ответов не было. Головоломка никак не желала складываться.

«И зачем только я полез со своими расспросами? Только голову себе забил!»

Виски ломило от напряжения, в груди клокотала глухая, необъяснимая злость. Хотелось крушить всё вокруг.

«Учитель вообще не должен никого любить! Тем более — так преданно и слепо!»

Было бы гораздо проще, окажись Вэйцы-цзюнь на самом деле тем холодным, безучастным эгоистом, каким его малевали досужие кумушки. Если бы он плевать хотел на учеников и бровью бы не повел, узнав об их гибели... Да, так было бы куда лучше.

Пока юный бессмертный мысленно метал громы и молнии, сам Лян Сюань лежал в гробу, бездумно уставившись в темную дубовую крышку. Он никак не мог сфокусировать взгляд.

Сон никак не шел. И ведь стояла рядом роскошная постель в карете, но он упорно выбирал гроб — привычка, раз укоренившись, неохотно уступает место новому. Даже если когда-то эта привычка была навязана насильно.

В конце концов, уснуть Лян Сюаню так и не удалось.

Глубокой ночью он бесшумно сдвинул тяжелую крышку гроба и выбрался наружу — бледный и призрачный, словно выходец с того света. Найдя небольшую поляну среди деревьев, он решил немного попрактиковаться с мечом. Авось усталость возьмет свое, и тело наконец потребует сна.

Движение кисти — и ночную тьму прорезала холодная вспышка. Лезвие Цзихуа окутало призрачное серебристое сияние, вторя взмахам широких рукавов. Белоснежный силуэт, плавно кружащийся под луной, казался самым прекрасным, что являла собой эта глухая ночь.

Легендарный клинок пролежал без дела целое столетие, но на нем не обнаружилось ни единого пятнышка ржавчины. Было очевидно, что Пэй Таньцзы ухаживал за оружием с величайшим трепетом.

Жаль. Теперь даже повода отчитать этого старого хрыча не осталось. Хотя... для хорошей взбучки Лян Сюаню повод никогда не требовался.

— Да к черту! — проворчал Лян Сюань в пустоту, в сердцах топнув ногой. — Песий сын Пэй, с каких это пор мне нужны веские причины, чтобы тебя обложить?!

Только что он казался величественным и недостижимым, но уже в следующее мгновение раздраженно дернул плечом. Внезапно в кустах неподалеку раздался тихий шорох. Лян Сюань покосился в сторону шума и усмехнулся:

— Вылезай давай, малец. С твоим-то топорным умением прятаться только в прятки с трехлетками играть. Кто тебе вообще внушил, что тебя не заметят?

Поняв, что раскрыт, Шэнь Гумин неловко показался из-за ствола векового дерева. Он медленно подошел ближе, пряча смущенный взгляд. Его голос прозвучал непривычно хрипло:

— Учитель... Почему вы не спите в такой час? Зачем пришли сюда тренироваться?

— Опять ты за свое. Ну почему от тебя столько вопросов? Вот поэтому я и терпеть не могу возиться с учениками, — Лян Сюань картинно взмахнул рукавом, собираясь уйти, но юноша поспешно преградил ему дорогу.

— Учитель, постойте! Я просто... мне показалось, что ваши движения с мечом невероятно красивы. Не могли бы вы меня научить?

— И ради этого ты лишил себя сна посреди ночи? — хмыкнул Лян Сюань. — Вокруг тьма кромешная. Начнешь махать клинком вслепую — еще прирежешь ненароком Тан Тянь.

Спящий неподалеку Тан Тянь, разумеется, об этой смертельной угрозе даже не подозревал.

Лян Сюань поймал себя на мысли, что ведет себя как заботливая наседка, трясущаяся над непутевым отпрыском. Наверное, из-за врожденной язвительности его слова прозвучали излишне резко. Опасаясь, что испугает своего робкого подопечного, он слегка смягчил тон, но не удержался от привычной грубости:

— Ну и чего застыл? А ну марш в постель. Слыхал присказку? Будешь полуночничать — живо растеряешь все волосы пониже пупка. Смотри у меня, облысеешь, а потом прибежишь в слезах умолять, чтобы я тебе их обратно пришивал.

Шэнь Гумин лишь тихо рассмеялся, ласково глядя на наставника.

— Но я действительно не могу уснуть, учитель.

«Не могу и не хочу. Я лишь желаю...»

В моменты душевного волнения юноша неуволимо менял цвет глаз, наливаясь из туманно-серого в глубокий, почти грозовой оттенок. Впрочем, разница была слишком ничтожной. Лян Сюань даже не догадывался, какие бури бушуют в душе его спутника и каким жадным взглядом тот его провожает.

— Ах, не спится ему, — протянул Лян Сюань. — Тогда хватайся за проверенный способ: считай овец.

— Овец? — Шэнь Гумин удивленно приподнял бровь. — И это помогает?

В этот миг он вдруг осознал, что ему безумно нравится вот так стоять посреди ночи и вести эти праздные, бессмысленные разговоры. На душе становилось тепло, а недавняя тоска испарялась без следа.

— Еще как помогает! Вот дойдешь до двадцати тысяч...

Лян Сюань заговорщицки прищурился, лукаво и по-детски улыбнулся. Он медленно шагнул к юноше, сокращая расстояние.

Шэнь Гумин невольно сглотнул. Сердце испуганной птицей забилось в ребрах, когда учитель оказался совсем близко. С трудом сдерживая дрожь в голосе, он спросил:

— И на двадцати тысячах... я наконец усну?

— Вовсе нет! — расхохотался этот несносный человек. — Ты просто обнаружишь, что наступило гребаное утро!

Лян Сюань сочетал в себе несочетаемое: секунду назад он казался величественным бессмертным, а теперь вел себя как последний пройдоха. Не успел Шэнь Гумин опомниться, как учитель коршуном налетел на него и бесцеремонно схватил за щеки, принимаясь безжалостно их тискать.

— Ах ты паршивец! Глянь, какие круги под глазами отрастил! Совсем себя запустил. Думаешь, девки будут любить такого замухрышку?!

Из-за незримого вмешательства Небесного Дао фраза «ты же у нас главный герой» стерлась из восприятия юноши, поэтому он расслышал лишь упрек о своей внешности. Позволив тискать свое лицо, он невозмутимо ответил:

— Ну и пусть не любят, мне плевать. По-моему, эти тени под глазами лишь добавляют мне мужественности.

Шэнь Гумин перехватил запястья учителя, заставив того остановиться, и серьезно добавил:

— Мне нужно быть красивым только для вас, учитель. Мнение остальных меня не волнует. Так вы научите меня фехтованию?

Лян Сюань закатил глаза и высвободил руки:

— Ладно, ладно, сдаюсь. И прекрати это свое «ученик то, ученик се». Звучит так, будто ты передо мной лебезишь, как соплёк зелёный.

Адское пламя Мира призраков разительно отличалось от обычного огня. Это было беспощадное, темное пламя: малейшее его касание обрекало жертву на страшное уродство, а за секунду могло и вовсе обратить в горстку пепла.

Не будь у Лян Сюаня при себе кулона из нефрита драконьей крови, даже его глубокое совершенствование не спасло бы от мучительной гибели. Он буквально вернулся из Врат духов. К счастью, целебные воды источника Ханьчуань за несколько дней сотворили чудо — страшные ожоги постепенно затягивались.

Однако в последнее время Лян Сюаня не покидало смутное ощущение тревоги.

С каждым разом, когда он в одиночку отправлялся к источнику, крепло подозрение, что за ним кто-то следит. И этот таинственный соглядатай определенно не был его подопечным.

Шэнь Гумин едва достиг ступени Возведения Фундамента, тогда как сам Лян Сюань находился

на пике Золотого Ядра. Даже будучи раненым, он превосходил юношу на голову. Веди тот слежку, Лян Сюань мигом бы вывел его на чистую воду — точно так же, как поймал его той ночью на поляне.

Но преследователь оставался невидимкой. Желая обнаружить скрытую угрозу, Лян Сюань однажды притворно пошел вперед, а в момент, когда чужая аура стала почти осязаемой, резко развернулся.

Меч наполовину покинул ножны, одним точным ударом срубив вековой дуб. Но за поваленным стволом клубилась лишь пустота.

Тем не менее наваждение не исчезало, преследуя его до самого источника.

Особенно невыносимым оно становилось, стоило Лян Сюаню сбросить одежды и погрузиться в воду. Он буквально чувствовал на себе чужой пристальный взгляд. Лишь спустя пару часов, когда он поднимался из воды, одевался и затягивал пояс, это гнетущее ощущение медленно отступало.

Объяснений этому могло быть только два.

Либо он просто сошел с ума на почве мнительности, став жертвой галлюцинаций из-за подтачивающего силы Синьмо.

Либо слежка была реальной, а незванный гость обладал колоссальным могуществом. Если Лян Сюань не мог его обнаружить, значит, этот некто превосходил его в развитии и находился как минимум на стадии Зарождающейся Души.

Впрочем, даже настраивая себя на худшее, Лян Сюань понимал: за все эти дни ему не причинили вреда. Незнакомец не выказывал ни капли жажды крови.

«Должно быть, мне просто попался невероятно сильный и скрытный извращенец», — философски рассудил он.

Сегодня, однако, удушливое ощущение чужого взгляда наконец пропало. Лян Сюань, хоть и удивился перемене, впервые за долгое время по-настоящему расслабился в целебной воде. Но стоило ему одеться и двинуться обратно к лагерю, как до его слуха донеслись чьи-то голоса.

Лян Сюань бесшумно остановился. Скрестив руки на груди и небрежно прислонившись плечом к стволу дерева, он обратился в слух. Спорили двое. Один голос принадлежал Шэнь Гумину, однако сейчас в нем не было привычной мягкости — он звучал на удивление холодно, даже зловеще. Второй голос был незнаком.

— Маленький бессмертный господин, — умолял незнакомец. — Молодой господин Шэнь велел

мне во что бы то ни стало вернуть вас в Цинсяо-цзун. Иначе он просто не сможет отчитаться перед Юйянь-цзюнем!

— И как же Шэнь Лифэн собирается держать ответ перед моим отцом? — хмыкнул Шэнь Гумин. — На небесах? Что же, пусть сначала попробует пережить Перерождение через испытания и вознестись, а уж потом думает об объяснениях.

— Но господин! Я лишь исполняю волю хозяина. Юйянь-цзюнь перед самым вознесением лично поручил нашему молодому господину позаботиться о вас, как только вам исполнится шестнадцать, и забрать в Цинсяо-цзун. Но мой господин лишь позавчера узнал, что... что Вэйцы-цзюнь покинул Цинсяо-цзун!

— И что с того?

— Как это «что»?! Вы не можете больше оставаться подле него! Это же погубит ваше будущее, разрушит ваш Путь бессмертия!

— Погубит мое будущее? — Шэнь Гумин тихо, но угрожающе рассмеялся. — Ты верно шутишь? Мой учитель — глава Списка десяти святых, его мастерство признано поднебесной. И ты смеешь утверждать, что обучение у него закроет мне дороги?

— О, я ни в коем случае не умаляю достоинств великого мастера, — поспешил возразить собеседник. — Разумеется, имя Первого красавца Поднебесной гремит повсюду.

— Но позвольте мне быть честным. Слава Вэйцы-цзюня зиждилась лишь на авторитете Цинсяо-цзун — величайшего ордена наших земель. К тому же его фехтование... ну, оно просто красивое. На такое зрелище приятно смотреть, оттого и молва идет.

— Но теперь, покинув орден, он остался ни с чем.

— Звание Мастера меча — не более чем красивый пшик. Вся эта его хваленая техника — пустая показуха, пригодная разве что для уличных представлений. Движения изящные, спору нет, но толку от них? Клинок в его руках ходит мягко, точно девичья лента, им ведь даже не ранить...

Закончить фразу он не успел. В глазах зарябило от белоснежной вспышки. В долю секунды у горла болтуна замерло ледяное лезвие.

Малейший вздох — и острейшая кромка вспорот яремную вену.

Лян Сюань стоял вплотную к чужаку. Тот мгновенно побелел, из лица отхлынула вся кровь, а тело задеревенело от сковавшего конечности ужаса.

Владелец меча лишь тихо, вкрадчиво усмехнулся. Лицо его оставалось безмятежным, без единого признака гнева, но в его взгляде на краткий миг полыхнуло опасное багровое пламя.

— Значит, показуха? Пустые пируэты? Годные лишь для ярмарки?..

Ледяная сталь скользнула по бледной коже.

— Ну так как, проверим прямо сейчас?

<http://bllate.org/book/18178/1752675>